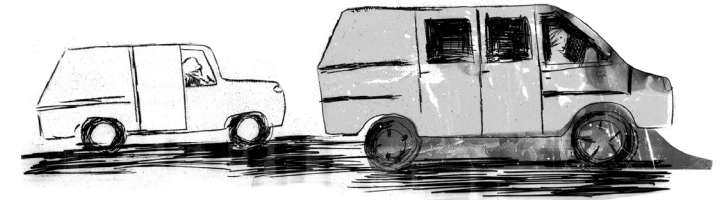

Глава первая

Гравюра ССЛ. Полярная Крачка

Однажды Джо Пепитон из «Нью-Йорк Янкиз» отдал мне свою бейсболку.

Думаете, я вру?

Он мне ее подарил. Мне, Дугу Свитеку. Лично.

Джо Пепитон и Хорас Кларк приехали к нам на Лонг-Айленд, прямо в нашу школу, и я кидал с ними мяч. Я, а еще Данни Запфер и Холлинг Вудвуд, неплохие ребята. Мы все кидали мяч с Джо Пепитоном и Хорасом Кларком и отбивали тоже. А они напевали нам, когда мы махали битой: «Ну-ка, раз, ну-ка, два, ну-ка, бей-ка, бей-ка, бей-ка...» Такая у них была песенка.

А потом Хорас Кларк отдал Данни свою кепку, а Джо Пепитон отдал Холлингу свою куртку (наверное, потому, что пожалел беднягу из-за его дурацкого имени), а потом Джо Пепитон подарил мне свою кепку. Взял ее за козырек, снял с головы и протянул мне. Вот так запросто. Она была подписана изнутри, поэтому каждый мог убедиться, что она и правда его. Джо Пепитона.

Раньше у меня никогда не было ни одной вещи, которую до этого не носил бы какой-нибудь другой Свитек.

Я прятал ее четыре с половиной месяца. Потом про нее узнал мой тупой брат. Он пришел как-то ночью, когда я спал, и заломил мне руку так сильно, что я даже кричать от боли не мог, и велел выбирать, что мне нужнее — рука или кепка Джо Пепитона. Я сказал, что кепка. Тогда он уперся коленом мне в спину и спросил: а может, мне и спина не нужна? Пришлось сказать ему, что кепка Джо Пепитона спрятана в подвале за печью.

Ее там не было, но он сразу побежал вниз. Такой он придурок.

Тогда я быстренько натянул шорты, футболку, кепку Джо Пепитона — которая все время лежала у меня под подушкой, понял, урод? — и выскочил из дома. Только он меня все равно поймал. Затащил за гараж. Отобрал кепку Джо Пепитона. Врезал мне несколько раз по тем местам, где потом не видно синяков.

Это обычный приемчик моего... ладно, не ваше дело.

По-моему, он продержал эту кепку у себя часов десять — этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. Потом он выменял на нее у Линка Вителли сигареты, а Линк Вителли продержал ее у себя один день — этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. Потом Линк отдал ее Гленну Дилларду в обмен на расческу. На расческу! И Гленн Диллард продержал ее у себя один день — этого как раз хватило, чтобы я увидел его с ней в школе. Потом Гленн потерял ее, когда ехал на «мустанге» своего брата, без прав и с опущенным верхом, урод. Ее сдуло где-то на Джерузале-авеню. Я искал ее целую неделю.

Наверное, теперь она лежит где-нибудь в канаве под дождем или вроде того. И любой, кто проходит мимо, думает, что это просто мусор.

А что, они правы. Это и правда мусор. Теперь.

Но когда-то она была моей единственной вещью, которую не носил раньше какой-нибудь другой Свитек.

Понимаю. Всем остальным это до лампочки.

Я пытался поговорить про нее с отцом. Но день оказался неудачный. Почти каждый день — неудачный. Потому что почти каждый день отец приходит домой весь красный, нахмуренный и так упорно молчит, что сразу ясно: у него много чего найдется сказать, стоит только его тронуть, но лучше не надо его трогать, потому что неизвестно, где он тогда остановится, а если кто-нибудь его тронет, то дай бог, чтобы это был не мистер Красавчик Калрос, хозяин лесопилки, где он работает, потому что тогда он сам его так тронет, что Калрос навсегда перестанет быть Красавчиком, и ему плевать, если он из-за этого потеряет свою паршивую работу, от которой его все равно тошнит.

Вот какой у меня отец, когда его лучше не трогать.

Но у меня был план.

Я хотел добиться только одного: чтобы отец взял меня на стадион «Янки». Разве это так много? Если б я только мог увидеть Джо Пепитона еще хоть один разок! Если б я мог рассказать ему, что стало с его бейсболкой! Он посмотрел бы на меня, засмеялся и взъерошил мне волосы, а потом снял бы с себя кепку и надел ее мне на голову. «На, Дуг, — сказал бы Джо Пепитон. Так прямо и сказал бы. — На, держи. Тебе она гораздо больше идет, чем мне». Вот что сказал бы Джо Пепитон. Потому что такой уж он парень.

Вот какой у меня был план. И мне надо было только одно: чтобы отец меня выслушал.

Но я выбрал неудачный день. Потому что удачных дней не бывает.

И отец сказал мне:

— Ты что, рехнулся? Что у тебя в башке, черт бы тебя драл? Я работаю по сорок пять часов в неделю, чтобы тебе

было чем набить брюхо, а ты хочешь, чтобы я отвел тебя на стадион из-за какой-то паршивой кепки, которую ты потерял?

— Это не просто паршивая ке...

Вот и все, что я успел сказать. Рука у моего отца тяжелая. Такой уж он парень.

Никто не знает, сколько мой отец успел сказать в тот день, когда его все-таки тронули — и тем, кто его тронул, был как раз тот самый мистер Красавчик Калрос. Но что бы он ни сказал, домой он пришел с хорошим фонарем, потому что рука у мистера Красавчика Калроса оказалась даже потяжелее, чем у моего отца.

А еще мистер Красавчик Калрос мог уволить отца когда пожелает.

Так что отец вернулся домой с пластырем под глазом, держа в руках пакет со своим несъеденным обедом и последний из всех чеков, которые ему выдали на лесопилке Калроса. Он посмотрел на мать и сказал: «Лучше помолчи», а потом посмотрел на меня и сказал: «Тебе, значит, паршивая кепка нужна?» — а после ушел наверх и стал звонить куда-то по телефону.

Мать велела нам сидеть на кухне.

Он спустился, когда мы доедали ужин, и мать сразу вскочила из-за стола, вынула из печки тарелку — она держала ее там, чтобы не дать ей остыть, — и поставила перед ним.

— Все уж засохло небось, — проворчал он.

— Не думаю, — ответила мать.

— Она не думает, — сказал он, потом снял алюминиевую фольгу, вздохнул и потянулся за кетчупом. Намазал его на свой рулет. Густо-густо.

Отправил один красный кусок в рот.

— Мы переезжаем, — сказал он.

И жует.

— Переезжаем? — спросила мать.

— В Мэрисвилл. На край штата. — Еще один красный кусок. Жует. — На бумажной фабрике Балларда есть местечко, и Эрни Эко обещал меня туда пристроить.

— Эрни Эко, — тихо повторила мать.

— Лучше не начинай.

— Значит, опять все будет по-старому.

— Я сказал...

— Все ночи по барам, а домой, когда ты уже...

Отец встал.

— Кого из детей на этот раз? — спросила мать.

Отец посмотрел на меня.

Я опустил глаза и занялся остатками своего рулета.

На сборы у нас ушло три дня. Все это время мать почти ничего не говорила. В первое утро она задала только два вопроса.

— Как мы дадим Лукасу знать, куда мы уехали?

Лукас — это мой старший брат, который перестал меня бить полтора года назад, когда его забрали в армию США и велели взамен бить вьетнамцев. Сейчас он где-то там, в дельте их главной реки, но больше мы про него ничего не знаем, потому что ему нельзя нам ничего сообщать, да он и так редко пишет. Не могу сказать, чтобы я сильно об этом жалел.

Отец оторвал глаза от тарелки с яичницей.

— Как мы дадим Лукасу знать, куда уехали? А почта на что? — сказал он таким голосом, от которого сразу чувствуешь себя самым большим идиотом на свете. — И разве я не просил тебя поджарить с обеих сторон? — Он оттолкнул тарелку, взялся за кружку с кофе и выглянул в окно. — Я по этому дерьму скучать не буду, — сказал он.

Потом моя мать еще спросила, тихо так:

— Возьмешь напрокат фургон?

Отец отхлебнул кофе. Раз, другой.

— Эрни Эко возьмет на фабрике. Отвезет нас, — ответил он.

Больше мать ни о чем не спрашивала.

Отец принес из супермаркета пустые ящики. В тот день стояла такая жара, что даже небо было не синее, а мутно-голубое — все, на что его хватило. В такие дни все ходят мокрые от пота, и тебе кажется, что, если бы ты сидел сейчас на верхнем ряду стадиона «Янки» — то есть на самом-самом верхнем, — там, может, и тянул бы слегка ветерок, но уж больше его точно нигде не почувствуешь. Отец дал мне один ящик — из него до сих пор пахло бананами, привезенными откуда-нибудь из тех мест, где говорят по-испански, — и велел сложить туда все, что у меня есть, а что не влезет, выкинуть. Я так и сделал, только кепку Джо Пепитона не положил, потому что она валяется в канаве под дождем — между прочим, вы бы и сами это помнили, если б вам было не наплевать.

Ну и что? Что с того? Я рад, что мы уезжаем.

После первого дня сборов у нас дома уже был полный кавардак. Везде стояли раскрытые ящики с самыми разными вещами. Сначала мать наклеила на них ярлычки и старалась все сортировать, чтобы кухонное хозяйство попало в ящики на кухне, а все простыни, наволочки и полотенца — в ящики около шкафа наверху, а самые крепкие ящики у входной двери предназначались для отцовских инструментов и остального добра. Но когда отец наполнил ящики у входной двери, он стал класть свои вещи вместе с посудой — вещи вроде отверток, гаечных ключей и тисков, которые он бросил на стопку тарелок и даже не обернулся посмотреть, когда услышал, что они разбились. Зато мать обернулась. Она вынула эти тарелки, завернутые в газету, и на минутку прижала их к себе. А потом уронила обратно в ящик, как мусор, потому что в него они теперь и превратились. В мусор.

Как кепка Джо Пепитона.

На третий день приехал с фургоном Эрни Эко, и мы — я с братом, Эрни Эко и отец — погрузили туда кровати, диван и стол со стульями. Плита и холодильник принадлежали хозяину дома, который мы снимали. После этого мы погрузили и все ящики. Мать заранее вырыла садовые растения, за которыми она раньше ухаживала, пересадила их в горшки и полила перед переездом, но Эрни Эко сказал, что для них нет места, а даже если бы и было, он может резко повернуть и тогда они все попадают и запачкают ему кузов, так что отец велел оставить их, а нам быстро садиться в машину, потому что уже все готово.

— Еще не все, — сказала мать.

Это было так неожиданно, что мы удивились и посмотрели на нее.

Она подошла к горшкам, которые стояли в ряд на крыльце, взяла в охапку три из них и понесла к дому Макколлов,

наших соседей. Потом вернулась, взяла еще три и отнесла через улицу к Петрони. Когда она снова вернулась, я хотел было подбежать и помочь ей, но отец ударил меня по плечу.

— Если ей приспичило, пусть сама таскает, — сказал он. И Эрни Эко засмеялся, урод.

Так что мать сама разнесла все горшки, по три штуки, к разным домам на нашей улице. Люди стали выходить из дверей — они брали у нее горшки, ставили их на крылечко и обнимали мать, а потом она отворачивалась.

Вот чем я занимался — смотрел, как моя мать раздает свой сад, — когда на улице появился Холлинг Вудвуд с пакетом из оберточной бумаги. Раньше я никогда не видел его в нашем районе.

Он помахал мне.

— Привет, Дуг, — сказал он.

— Привет, — отозвался я.

— Здравствуйте, мистер Свитек.

Отец кивнул. Он наблюдал за матерью. Ему не терпелось уехать. Прошла минута. Мать снова вернулась на крыльцо за очередной порцией.

— Я слышал, вы переезжаете, — сказал Холлинг.

— Тебе не наврала, — сказал я.

Он кивнул.

— Значит, в восьмой класс уже не у нас пойдешь.

— Ну да.

Он опять кивнул. Прошла еще минута.

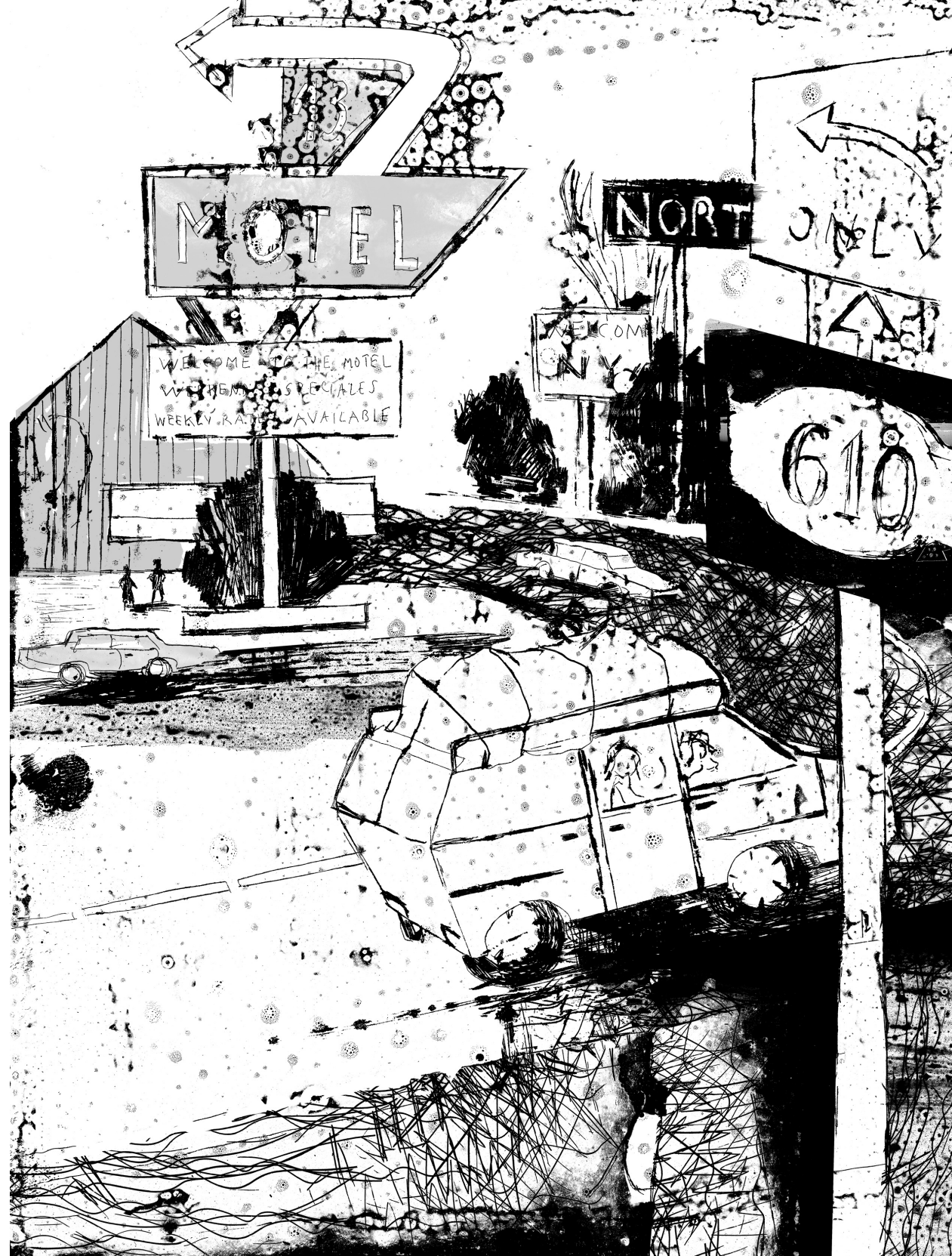
— Я это, — сказал он, — принес тебе кое-что, чтобы ты нас не забывал. — Он протянул мне пакет, и я его взял. Он был нетяжелый.

— Спасибо, — сказал я.

Еще минута.

— Куда едете-то?

— В Мэрисвилл.

— Понятно, — сказал Холлинг. И кивнул, как будто слышал об этом городе, хотя этого не могло быть, потому что о нем не слышал никто, кроме тех, кто там живет, а таких на свете раз, два и обчелся. — В Мэрисвилл, значит.

— В Катскильских горах, — сказал я.

Он кивнул.

— Там, наверное, попрохладней. Наверху-то.

Я тоже кивнул.

— Наверное.

Он потер руки.

— Ты там поосторожней, Дуг, — сказал он.

— Передай всем от меня привет, — сказал я.

— Передам.

Он протянул мне руку. Я ее пожал.

— Пока, Дуг.

— Пока.

И он повернулся, пересек улицу, поздоровался с моей матерью. Она дала ему один горшочек. Он взял его — и ушел. Совсем.

— Лезь в машину, — сказал отец.

Я пошел к машине, но, прежде чем залезть туда, открыл пакет Холлинга и вынул то, что в нем было. Куртку. Куртку «Нью-Йорк Янкиз». Я посмотрел на подпись с внутренней стороны воротничка. Вы догадались, чья это была куртка, правда?

Я ее надел. Мне было плевать, какого цвета небо, плевать, потеют все вокруг или нет. На меня повеяло ветерком, словно я вдруг очутился на самом верхнем ряду стадиона «Янки».

— Каким дураком надо быть, чтобы подарить такую вещь летом, — сказал отец.

Я застегнул куртку.

— А ну, живо в машину!

Кажется, я уже говорил вам, что Холлинг Вудвуд — неплохой парень?

Когда мы добрались до Мэрисвилла, примерно к обеду, мы нашли там дом, снятый для нас Эрни Эко, — за бумажной фабрикой Балларда, за сортировочной станцией, за целой кучей каких-то складов и старым баром, куда заходили только очень хмурые люди. Дом оказался меньше того, который у нас был, так что мне, как раньше, пришлось поселиться в одной комнате с братом — а для Лукаса, если бы он вернулся домой, и вовсе не нашлось бы комнаты. Брат сказал, что он готов спать на диване в гостиной, только бы не жить вместе с такой вонючкой, как я, но отец ему запретил. Сказал, нечего болтаться на виду, как будто он тут главный. И брат потащил свои шмотки ко мне.

Просто блеск.

Первым делом мне надо было найти место, чтобы спрятать куртку, пока брат не узнал, что это куртка Джо Питона. Если б он это знал, то сорвал бы ее с меня еще до того, как мы проехали мост через Ист-Ривер. Но рано или поздно он все равно узнал бы. Так бывало всегда. Поэтому я не снимал ее, хотя мой приятель Холлинг Вудвуд ошибся: